

ТЭФФИ

ВСЕ О ЛЮБВИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Т97

Серия «Эксклюзив: Русская классика»
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Тэффи.

Т97 Все о любви : [сборник] / Тэффи. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Эксклюзив:
Русская классика).

ISBN 978-5-17-180894-5

Тэффи легко и остроумно показывает весь аккорд душевных переживаний: как глубокую страсть и романтические чувства, так и нежные, трогательные моменты близости и понимания. А философская глубина ее произведений позволяет читателю не только насладиться художественным мастерством автора, но и задуматься о природе любви, ее радостях и сложностях.

Этот сборник — настоящий источник вдохновения и душевного тепла для ценителей искренних историй о самом важном в жизни. В него вошли избранные произведения, посвященные чувствам и отношениям: рассказы из циклов «Все о любви» и «О нежности», а также пьеса «Женский вопрос».

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

Фея

Кухарка Акси́нья прибежала два раза.

Была она крепкая, темно-румяная, с зубами такими белыми, что издали казалось, будто держит она во рту кусок творога.

Прибежала она к Ильке наниматься в няньки к будущему ребеночку.

Ильке нравилось, что она такая веселая, удалая и сама себя называла «Сенька», словно деревенского парня.

Говорила она таинственным шепотом и все поглядывала на двери — не подслушивает ли кто, но гоготала во все горло.

— Если, барыня, у тебя сыночек будет, я ему шапочку сошью. Один бочок красенький, другой желтенький — га-га-га! Ну а если доченька, тут уж надо чепчик с кружевцами.

В последний раз наговорила такой веселой ерунды, что даже печальная Илька развеселилась. Рассказала Сенька, что у какого-то немца есть коза и что навесили этой козе на шею шерстяную красную вожжинку с бубенчиками. Бубенчики не такие, как на лошадях, а маленькие, золотенькие, и так и поют. Так вот, Сенька хочет один бубенчик либо два отрезать и припрятать для маленького.

— На веревочку привяжем, он будет ручками тренькать и на всю жизнь веселым станет. А в нашем городе таких бубенчиков все равно не купишь. Это, видно, привозные. Один отрезать не беда, не заметят. А и заметят, так не дознаются кто. Га-га-га!

Сенька глупая, плутоватая, но так от нее делалось просто и весело, что век бы с ней не расстался. Но для счастья с Сенькой было серьезное препятствие. В ее прошлом — двое ребят и ни одного мужа. Один ребенок помер в деревне, другой «как быдто жив». Сердитый Илькин муж не позволит Сеньку нанять.

Она уж приготовилась подоврать чего-нибудь, изобразить Сеньку жертвой, да как-то не знала, как к этому делу подступиться. При одной мысли о разговоре со Станей начиналось сердцебиение.

Но вот как-то тот сам заговорил:

— Нужно подыскать няньку к будущему ребенку.

Илька взволновалась, задыхнулась, приготовилась говорить, но он продолжал:

— Но мне повезло, — сказал он торжественно. — Я наметил для ребенка воспитательницу. Это сестра жены аптекаря. Сама лишенная возможности иметь собственную семью, она готова принести себя в жертву интересам чужого ребенка.

«Господи! — думала Илька. — Как он ужасно говорит. Ну какие у ребеночка интересы? Как все делается уныло и страшно».

— Эта женщина, вернее эта девица, ее зовут Казимира Карловна, еще никогда не служила. У нас будет ее первое место. И что очень ценно — она горбатая.

У Ильки побледнели губы.

— Ценно? — тихо спросила она.

— Да, ценно, — повторил он и упрямо выпятил лоб. — Вы, конечно, не можете этого понять, хотя те-

перь, готовясь к материнству, должны были бы более чутко относиться к своему долгу.

Он закурил папиросу и начал трясти коленом.

«Злится! — подумала Илька. — И чего?»

— Ребенок должен с первых дней жизни учиться любить все обездоленное. Он привяжется к своей уродливой воспитательнице — она, к счастью, исключительно некрасива, кроме плохой фигуры, — и будет вместе с ней страдать от укулов и насмешек пошлой толпы. Эта женщина, вернее девица, уже заранее поставила условием, чтобы не заставляли ее гулять с ребенком в парке. Она уже приобрела на кладбище место для своей могилы и будет каждый день возить туда колясочку с ребенком. Я нахожу, что это прекрасно. В парке, где прохожие будут ахать и восторгаться ребенком, только привьют молодой душе тщеславие. К чему это? И еще она поставила условием, чтобы в детскую никаких гостей не водить. Не к чему ребенка показывать. Да, вероятно, и ей самой неприятно лишний раз ловить на себе насмешливые взоры.

— Ничего не понимаю, — сказала Илька и покраснела. — Почему вдруг «насмешливые взоры»? Кто же смеется над горбатыми?

— Все! — отрезал муж. — Вы первая. Если не смеетесь, то не одобряете. Да-с.

Илька заплакала.

— Я не понимаю твоего желания окружить ребенка уродством и страданием. За что? За что его мучить? Что он, беглый каторжник, что ли? Да он, может быть, и сам по себе будет добрый и жалостливый.

— Святые спали с прокаженными! — мрачно сказал Станя.

— Ты теперь будешь искать прокаженную няньку! — с отчаянием крикнула Илька. — Уж каждый раз ты мне подсовываешь этих прокаженных. Нет, если бы я была святой, я бы не лезла спать к прокаженному. Я бы уступила ему свою постель, а сама бы ушла. Прокаженный — больной, ему нужен покой, удобство. А тут изволь жаться к стенке, а рядом этот бородатый святой храпит и подчеркивает свое самоотвержение. Нехорошо. Не прокаженного он любит, а себя. Не о нем заботится, а о преодолении в себе отвращения во имя самосовершенствования. Я не отдам ребенка прокаженным. Ложись с ними сам.

Она вскочила и, плача и натываясь на стулья, на притолоку двери, пошла к себе и легла. И всю ее трясло, словно знобило. А потом пришла дрема, и зазвенели на дворе колокольчики, не лошадиные, а тоненькие, остренькие, наверное, козы, те, что веселая Сенька украла для ребеночка. Зазвенели колокольчики, и загрохотали страшные колеса. И вдруг писк, визг. Илька поднялась, подкралась к окошку и увидела. Увидела она огромную колымагу. Задние колеса втрое больше передних и обиты толстым железом. А перед колымагой катаются, переваливаются с брюха на спину громадные крысы — мягкие, жирные, запутались в красных постромках и пищат. А из колымаги лезет, ищет приступочку костлявой старушечьей ногой страшная, длинноносая — нос на двоих рос, да еще кривой — горбунья, злая фея Карабос. Горб узкий, высокий и трясется.

«Это нянька для маленького, — думает Илька и вся дрожит. — Повезет маленького ночевать с прокаженными».

А горбунья Карабос остановилась, задрала голову и шарит по окнам глазами, ищет Ильку. Илька чув-

ствует — найдет она ее, уколует глазом, тут и конец, тут и погибель.

Илька закрывает лицо руками и кричит, кричит и от крика просыпается.

Она вся мокрая и вся какая-то расслабленная. Верно, жар.

* * *

На другой день пришел доктор. Не тот, что всегда, — тот уехал на месяц в отпуск, а заменяющий его, молодой, смуглый, белозубый, как Сенька. Считал Илькин пульс, качал головой:

— Анемия. И чего вы все волнуетесь? Бойтесь родов? Ерунда!

— У нее скверный характер, — внушительно вступил в разговор Станя. — Я вот нашел воспитательницу для ребенка, с трудом нашел, это ведь нелегко. А она... Да, между прочим, — обратился он к жене, — я ее видел, и она дополнила условия. Она не хочет, чтобы ты ночью входила в детскую.

— Почему?

— Это ее, очевидно, стеснит.

— Фея Карабос отвинчивает ночью свой горб и обращается в крысу, — задумчиво пробормотала Илька.

Доктор нахмурился, прислушиваясь, ничего не понял.

— Это кто же такая?

— Казимира Карловна, сестра жены аптекаря.

— Да вы с ума сошли? — закричал доктор. — Эту ведьму брать к себе в дом? Я же ее знаю. Я лечил жену аптекаря. Ни одна кухарка не может с ней ужиться. Это же форменная ведьма! Зачем она вам понадобилась?

— Я хочу, чтобы ребенок с первых дней жизни приучился любить всех обездоленных, некрасивых, убогих.

— Ха-ха-ха! — сверкнул зубами доктор. — Вот он как! А сам небось выбрал себе жену молоденькую и хорошенькую.

Илька залилась румянцем так, что даже в ушах у нее зазвенело.

Станя иронически улыбнулся.

— Откровенно говоря, я никогда не считал мою теперешнюю жену ни красивой, ни умной.

— Что же вы, на деньгах женились, что ли? — резко спросил доктор.

— Нет, — делано спокойно отвечал Илькин муж. — Денег у нее не было. Я женился на ней, потому что мне казалось, что душа ее представляет некоторый материал, из которого можно построить э-э-э... человека, как я его понимаю.

— Ага, — сказал доктор и засмеялся глазами. — На матерьяле, значит, женились.

И вдруг уже откровенно рассмеялся:

— А и заврались же вы, батенька мой. Ну-ну, не сердитесь, что я так. Уж очень вы смешной!

Станя медленно закурил, подчеркивая свое хладнокровие.

— Конечно, — сказал он, — вы, как врач, как физиолог, мало придаете значения воспитанию духа. Святые делили свое ложе с прокаженными.

— Что? Что делили? — смеясь и хмурясь, переспросил доктор.

— Ложе. Ночевали с прокаженными.

Илька тихо застонала и закрыла глаза.

— Начинается! — пробормотала она.

— Ночевали с прокаженными? — улыбнулся доктор. — Так и ночуйте, голубчик мой, если вам нра-

вится. Ночуйте — никто вам не мешает. Конечно, если прокаженный не выразит протеста. Но не заставляйте других, не принуждайте! На это вы не имеете никакого права. Я в этих высоких предметах, наверное, плохо разбираюсь, и очень может быть, что из вас выработается великолепнейший святой, но что муж из вас вышел скверный, это уже не подлежит никакому сомнению.

Илька испуганно и беспомощно переводила глаза с доктора на мужа. Она, казалось, ждала чего-то, какой-то минутки, чтобы обрадоваться, ждала и не смела надеяться и боялась.

Станя затряс коленом.

— Из чего вы выводите, господин доктор, что я плохой муж? Не из моей заботы о ребенке, надеюсь?

— Из чего вывожу? Из того, что вы не бережете вашу жену. Она слабенькая и нервная и требует в настоящее время исключительного внимания и ухода, а вы ее обижаете.

— Я? Ее? — искренне удивился Станя.

— Да, вы ее! Вот, она не хочет этой ведьмы. А вы ее навязываете. И, кстати, не воображайте, что эта Казимира Карловна из скромности не хочет показываться в парке или вашим гостям. И не потому, что считает себя уродом. Ничего подобного! Просто ей неприятно, что она поступила в прислуги. Она «гонимая пани». Она завивает волосы на папильотки, она вовсе не считает себя некрасивой. Она осточертела аптекарю, вот он и рад ее сплавить. Нет, этого измывательства над моей милой пациенткой, — он нагнулся и поцеловал Илькину руку, — мы не допустим. Нельзя, дорогой Станислав Адамыч. Ищите себе в рай других ворот.

Он вскочил, молча пожал руку Ильке и Стане и быстро вышел. Илька видела в окно, как он зашагал по дороге к воротам.

Он среднего роста, худощавый.

Потом, через много лет, ей будет вспоминаться, что он был очень высокий, широкоплечий, что он очень любил ее и она за всю жизнь любила только его одного, но они не успели, не сумели, не смогли сказать это друг другу.

И иногда, в редких снах, он будет приходить к ней светло и нежно, чтобы вместе смеяться и плакать.

Имени его она никогда не вспомнит.

Страховка

Ресторан был старого стиля, без клетчатых скатертей на столах и «региональных» блюд в меню. Тем не менее народу завтракало много, и на узенькой скользкой банкетке сидеть было тесно и неудобно.

Закуски были съедены, и теперь, наверное, придется бесконечно ждать, пока подадут идиотское «микст-гриль», которое почему-то заказал этот нудный Берестов, вместо жареной утки, которая была в меню и которую так аппетитно едят все вокруг. Да, все едят, а ты сиди и жди в угоду господину Берестову, который влюблен и поэтому старается прыгнуть выше головы. Надоело все это. И, наконец, хочется есть, а не смотреть, как едят другие и как умиляется Берестов.

Дуся Брок сердито шевелила вилкой на тарелке колбасные шкурки и шелуху креветок, как собака, которая съела брошенный хозяином кусок и теперь водит носом по заведомо пустому месту, притворяясь, что ищет, и тем указывая хозяину на свое непременное желание получить еще.

Лицо у Дуся Брок, розовое и курносое, приготовленное яркой подкраской к выражению здорового веселья, очень подурнело от совершенно неподходящего для него выражения обиды и разочарования.

— Дорогая! — сказал Берестов. — Отчего вы такая грустненькая?

Он потянул к себе ее руку, чтобы поцеловать, но сердитая Дуся нарочно не выпускала вилку с намотанной на ней колбасной шкуркой. Тогда он оставил эту руку и, перегнувшись, ухватил другую, потянул и чмокнул. Чмокнул и приостановился.

— Отчего же не те духи, не воровские, которые я послал?

— Я не люблю воровские. Ладаном пахнут. Я люблю свои, «Герлен».

— Ах, боже мой, — заволновался Берестов. — Ведь я вас так просил, ну что вам стоило! Понимаете? Катюша знает ваши духи. Прошлый раз, когда мы с вами были в театре, прихожу домой, а она меня обнюхала и говорит: «С кем был? Почему “Герленом” пахнет?» Я говорю: «Дорогая. Это твои духи». А она в ответ: «Врешь, у меня воровские. Я еще доишусь». Поэтому я и послал вам воровские. А вы и не хотите! Ай-ай-ай!

— Замечательно все это интересно и остроумно, — проворчала Дуся. — Я должна обливаться какой-то зловонной массой для того, чтобы не пострадала ваша семейная жизнь. Заставьте лучше вашу дуру душиться приличными духами. А то еще ей придет в голову чесноком натираться — так и все ваши дамы должны?

Берестов покраснел, поднял рыжие брови.

— Дуся! Детка! Не надо сердиться. Вам не идет. Катюша уверяет, что когда Дуся улыбается, она молодеет на пятьдесят процентов.

— А когда Катюша говорит, так дурнеет на все сто. Ну, оставим это. Скажите лучше — намерены они нас сегодня кормить или лучше не надеяться? Не могу же я здесь сидеть до вечера только из-за того, что вам пришла несчастная мысль заказать какую-то ерунду, которую никто из посетителей не ест.

— Ха-ха! Здесь, очевидно, повар не торопится. Придерживается правила, как говорит моя супруга, «тише едешь, дальше будешь».

Он даже осекся, ибо вдруг увидел перед собой чудище. На чудище была шляпка Дусина и волосы Дусины — масляные желтые локоны, по два над каждым ухом — не спутаешь. Но нос был уже не Дусин. Он побелел как мел и раздулся в ноздрях. Под носом, спускаясь углами вниз, задергались две красные пиявки рта, а над носом, по обе его стороны, выкатились две круглые серые пуговицы, с черными узелками посредине. И все это дрожало, прыгало и задыхалось.

— Господи! — ахнул Берестов. — Дусинька! Да что же это с вами?

— Что со мной? — сипела Дуся. — Со мной то, что это уже превзошло всякую меру, и всему есть предел. Мы здесь сидим не больше четверти часа, и за это время вы минимум восемь раз заставили меня слушать про вашу прелестную жену. Что она сделала, да что думала, да «тише едешь, дальше будешь»! Что, это она сама сочинила, что ли? Старая, замызганная русская поговорка, народная дурь, которую все знают и все повторяют, а я почему-то должна восхищаться, что ваша жена ее произнесла. Одного не понимаю; если вам так нравятся все ее шутки и прибаутки — отчего вы не завтракаете дома? Зачем пристааете ко мне с ножом к горлу, чтобы я пошла с вами в ресторан? Я не хочу! Мне неинтересно! Ресторан выби-

раете всегда такой, куда никто не ходит, — очевидно, чтобы не встретить знакомых, сидишь, ждешь четыре часа какую-то жареную ерунду — не перебивайте меня! — ерунду вашего изобретения, от которой еще заболеешь, и вдобавок изволь слушать анекдоты из жизни его великой жены! Да что я, нанялась, что ли? Не смейте перебивать, когда я говорю. Впрочем, мне больше нечего говорить.

Она глотнула вина, откинулась на спинку стула и сказала вдруг просто и грустно:

— Поймите, дурак вы несчастный, что я когда-то готова была полюбить вас. Вы сами все испортили.

— Дуся, дорогая, — забеспокоился Берестов. — Дорогая...

Он, видимо, не знал, что сказать.

В это время, раздвинув графины и тарелки, лакей поставил на стол большое блюдо с румяными поджаренными кусочками мяса, сосисок, грибов и почек, эффектно проткнутых крошечными серебряными шпагами и осыпанных тонкими соломинками жареного картофеля.

— Дуся! — благоразумно выждав первые моменты умиротворяющего насыщения, сказал Берестов. — Дуся, я все вам объясню.

Что собрался он объяснить, он и сам не знал. Он не знал, что говорит о жене все время только потому, что именно о ней-то говорить и не надо. А еще, может быть, потому, что, говоря о ней, и вдобавок так дружелюбно, он как бы включает ее в их веселое содружество и не чувствует себя уже таким подлецом, который наврал, что идет в церковь и там же, на Дарию, где-нибудь закусив хорошенько, пройдетя пешком. Надо же от этого подлеца отмежеваться хоть тем, что тот подлец про жену разговаривать не посмел бы, а он вот не таков.

Ну да все это так сложно, что и самому-то не понять, так уж где же толком объяснить этому чудесному притихшему чудищу, жуящему малиновым масляным ртом хрустящий картофель. Самому Берестову и есть уж не хотелось.

Большой, толстый, уныло подняв рыжие брови, он смотрел на милое чудище, как оно глотает, и глотал вместе с ним пустым своим ртом. Но говорить все-таки надо.

— Дорогая. Я скажу вам всю правду. Конечно, я очень привязан к жене, то есть к Катерине Николаевне...

— Опять! — застонала Дуся.

— Нет, нет, я только объясню. Мы женаты двенадцать лет. Это уже не увлечение и не страсть, это испытанная, прочная дружба. Мне пятьдесят лет, дорогое мое дитя, ей больше сорока. У меня подагра. Простите, что говорю на такие неинтересные темы, но так уж к слову пришлось. Н-да. Словом — пора, как говорится, на зимние квартиры. Она женщина добрая, беззаветно преданная, энергичная, сильная, здоровая. Без ее помощи я пропаду. Это, так сказать, мудрая страховка от тяжелых одиноких страданий, которые ждут уже тут где-то, за дверью. Вы, Дуся, мой праздник, мой тайный глоток шампанского, нужный глупому мужскому сердцу, чтоб оно не задохлось. А ведь я вам — к чему себя обманывать! — я вам не нужен. Вы танцовщица, у вас искусство, и флирты, и радости, и перед вами еще огромная жизнь. А Катя — это кусок, зарытый старым псом про черный день. Настанет черный день, пес его и отроет.

— Не протух бы он к тому времени, этот ваш песьий кусок, — проворчала Дуся и, вынув зеркальце, стала пудрить нос.

— Алло! Я слушаю. Кто говорит?

Отвечал незнакомый голос:

— Говорит сестра Александра Ильича Берестова. Он нездоров и поручил мне просить вас навесить его. Когда бы вы смогли прийти?

— Ой, бедненький! А он давно болен? Что с ним? — запищала Дуся.

— Острый припадок подагры. Давно, уже недели две. Придете?

— Ну еще бы! Ой, бедненький, я ведь и не знала! Ну как было не сказать! Сейчас же прибегу.

Через полчаса Дуся звонила у дверей Берестовых. С того самого несчастного завтрака — уже больше месяца тому назад — она его не видела. Он заходил раза два, да все не заставал ее дома. Потом притих. Вот, оказывается, заболел. Теперь, значит, «страховка» на сцену. Собственно говоря, незачем было ее, Дусю, и беспокоить.

Открыла русская горничная.

— Пожалуйста, вас ждут. Сестрица ихняя только что ушли.

— А барыня дома? Катерина Николаевна?

— Нет, барыня, верно, к обеду придут. Пройдите сюда, они в спальне.

Первое, что увидела Дуся, была подушка и на ней что-то огромное, круглое, забинтованное.

«Господи! Голова!» — испугалась она.

Но это была не голова, а нога, потому что в другом конце кровати, на другой подушке, приподнялось, улыбаясь и морщась, желтое, плохо бритое, отекавшее лицо. Улыбнулось, сморщилось и опустилось.

— Обойдите сюда, деточка. Спасибо, что пришли. Простите, что позвал. Скучища. Сестра Вера, добрая